

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 132
(2186)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Ивантера, Н. Гасимова, П. Скоробогатова, Т. Сысоева «Инфраструктурная война как аргумент», опубликованная в журнале «Эксперт», № 42, 17-23 октября 2022 года.

Вологда
ноябрь 2022

Инфраструктурная война как аргумент

Ракетный ответ России на крымский теракт пока ограничился демонстрацией возможности уничтожить украинскую инфраструктуру за считанные дни. Москва тем временем готовится к усилению группировки в зоне СВО, знает редакция журнала «Эксперт», опубликовавшего детальный анализ перспектив развития ситуации на Украине и вокруг нее.

Современный город без электричества – это масштабная гуманитарная катастрофа уже на вторые-третьи сутки. И дело, конечно, не в кромешной тьме, неработающих бытовых приборах, отсутствии зарядки для телефонов, остановленных метро и троллейбусах. За такими бытовыми неудобствами кроются по-настоящему дикие коммунальные проблемы, завязанные в первую очередь на доступ к чистой воде и канализации в многоквартирных домах. Никаким подвозом воды в цистернах проблему канализации, водоснабжения и водоотведения не решить.

В зимний период в одночасье накроется система отопления без перспективы быстрого восстановления. Далее возникнет глобальная проблема с хранением продуктов питания. Закончится топливо для резервного питания. А значит, будет как минимум невозможна экстренная медицинская помощь.

Спекуляция на топливе и питании, толпы беженцев на выездных магистралях. Бессилие коммунальных и силовых служб. Все это перспектива десятка дней – даже не месяца.

Другое дело, что индустриальные города Советского Союза строились с большим запасом прочности энергосистемы, а проектировщики учитывали вопросы военной безопасности. Помимо внушительной резервной генерации подразумевались и возможности страховочного перетока мощностей из соседних районов. Наверняка от гигантского советского наследия за 30 лет новой Украины осталось немало. Тем не менее за два дня «в результате ракетных ударов России было поражено около 30 процентов энергетической инфраструктуры страны», – подсчитал министр энергетики Украины Герман Галущенко.

По традиции украинские чиновники преувеличивают ущерб от ракетных ударов. А по оценкам наших экспертов, большую часть разрушенной инфраструктуры можно восстановить в ближайшие недели. Очевидно, что Россия могла быкратно усилить катастрофический эффект атаки.

Пока Москва ограничилась внушительной демонстрацией силового потенциала в ответ на крымский теракт, исходя из своей, видимо, более долгосрочной и глобальной стратегии конфликта. Но дело тут и в том, что еще два-три дня ударов по энергосистеме Украины привели бы к критической гуманитарной обстановке накануне зимы для миллионов гражданских. Эскалация такого масштаба, даже оставив в стороне идеи гуманизма, слишком резко повышает градус противостояния. А событийный «котел» и так интенсивно вскипает.

Ударили по экспорту

Террористическая атака на Крымский мост стала очередной попыткой вывести Россию на серию жестких военных решений. За последние два месяца таких «акций» было много: убийство Дарьи Дугиной, удар по штабу ВМФ в Севастополе, артиллерийский терроризм Донецка, подрывы инфраструктуры на российской территории, обстрел заключенных «азовцев» в Еленовке. На внешнем поле – теракт на «Северном потоке – 2», возможная диверсия на нефтепроводе «Дружба». Все это приводит к тому, что Москва вынуждена показывать силовой потенциал, иначе противники это сочтут за слабость.

В этом смысле Крымский мост был обречен стать «сакральной жертвой», тем более что взрыв был приурочен ко дню рождения Владимира Путина. Восьмого октября на мосту дистанционно подорвали грузовой автомобиль в момент прохода топливных цистерн железнодорожного состава. Автомобильные пролеты моста частично обрушились. По прогнозам, на восстановление потребуется от одного до полутора месяцев. Движение, впрочем, частично восстановлено, меры безопасности усилены.

Довольно быстро были названы организаторы: главное управление разведки минобороны Украины, его руководитель Кирилл Буданов, сотрудники и агентура. Как известно, именно этот силовой контур страны работает под патронажем британской разведки. Их почерк в данном теракте хорошо узнаваем, а расследование показало длинный логистический след взрывчатки, прикрыть который без помощи извне было невозможно. «Киев поставил себя на одну доску с самыми одиозными террористическими группировками», – заметил Владимир Путин. В те же дни мы узнали о подготовке диверсий на «Южном потоке», попытке терактов на Курской АЭС и в столичном регионе с использованием доставленных из Эстонии переносных ЗРК «Игла».

Оставить без ответа эту агрессию Россия не могла. Десятого октября Россия нанесла массированный удар ракетами и БПЛА по полутора десяткам объектов критической инфраструктуры на всей глубине украинской территории, включая столицу. Под прицелом оказались «центры принятия решений», штаб Главного управления разведки (ГУР) Министерства обороны, а также офис Консультативной миссии ЕС на Украине.

Но фокус удара пришелся на украинскую энергосистему. В части генерирующих мощностей атакованы и повреждены в той или иной степени такие крупные объекты, как киевские ТЭЦ-5 и ТЭЦ-6, Дарницкая ТЭЦ, Трипольская ТЭС, Криворожская ТЭС, Львовская ТЭЦ-1, Бурштынская ТЭС, Харьковская ТЭЦ-5, Кременчугская ТЭЦ, Змиевская ТЭС и некоторые другие. В части сетевого хозяйства – ряд подстанций 330 кВ (в Хмельницком, Тернополе, Конотопе, Житомире и ряд других, см. карту). В результате электричество полностью пропало в Харькове, частично в Киеве, Львове, Тернополе, Хмельницком, Луцке, Кривом Роге, Полтавской, Сумской и Черниговской областях. В ряде городов были зафиксированы перебои с водоснабжением. Фиксировались нарушения в движении электропоездов. В Киеве, Харькове и Днепре было остановлено метро.

Украинская ПВО была моментально перегружена и с атакой не справилась. Тем более что большая часть систем передислоцирована

в район боевых действий и не настроена на защиту городов и инфраструктуры.

Во вторник атака была продолжена. Из значимых объектов 11 октября была поражена Ладыжинская ТЭЦ в Винницкой области – важнейший пункт генерации для всего Юго-Запада Украины мощностью 1,8 ГВт. Обстрелам также подверглись еще целый ряд электростанций 330 кВ – во Львове, Вольногорске, Павлограде и др. Позже Владимир Путин заявит: из 29 запланированных объектов поражены 22. По оставшимся семи работа продолжается.

Все это рисовало перспективу наступающей катастрофы. Однако уже в середине недели стало понятно: цели получили не катастрофические повреждения и работа многих объектов украинской энергоинфраструктуры была оперативно, хотя и не в полном объеме, восстановлена.

Во вторник «Укрэнерго» поблагодарило сограждан, откликнувшихся на призыв сократить электропотребление в вечерний пик, «в результате которого вечером 10 октября потребление по всей Украине снизилось на 1,5–2 ГВт, что эквивалентно работе двух атомных блоков, или на 13–15% меньше, чем в обычный осенний будний день». «В центральных регионах и Киеве, где вводили принудительные ограничения, потребление в вечерние часы снизилось на 26,5%, из них почти 10% – добровольные ограничения энергопотребления со стороны граждан», – сообщило ведомство.

В последующие дни новые удары по объектам критической инфраструктуры носили более чем скромный характер. Что в совокупности указывает на то, что нанесение непоправимого ущерба энергоинфраструктуре Украины не было задачей российского удара. Операция 10–11 октября представляла собой точечную демонстрацию наших возможностей с крайне ограниченными, хотя и неизбежными жертвами среди гражданского населения (Украина сообщила о 12 погибших и 67 раненых в результате ракетных атак 10–11 октября).

И если отсутствие прилетов российских ракет на остающиеся в работе три украинские атомные станции очевидно диктуется соображениями общеевропейской безопасности, а обстрел днепровского каскада ГЭС бесполезен

(нарушить работу ГЭС попаданием одной-двух-трех ракет с обычной боевой частью не реально, к тому же украинские ГЭС дают в общей сложности порядка 7% совокупной выработки электроэнергии), то отсутствие в составе целей обстрела наиболее мощных подстанций с напряжением 750 кВ необъяснимо с узко военной точки зрения.

Ведь выведение из строя этих узлов означало бы как минимум дезинтеграцию украинской энергосистемы (распад на отдельные окупившиеся энергоострова вокруг крупных объектов и зон генерации, лишенные возможности перетоков друг с другом), как максимум – тотальный блэкаут в результате каскадного срабатывания автоматической релейной защиты, полную и трудновосстановимую остановку всякого централизованного энергоснабжения.

Россия не сделала этого намеренно, не желая переходить грань, за которой маячит война на уничтожение. Если бы хотели, в чем нас уже обвиняет визгливая украинская пропаганда, одной энергоинфраструктурой дело не ограничилось. Ударам бы подверглась критическая инфраструктура теплоснабжения и водоканалы, что в течение считанных суток заморозило бы и утопило в нечистотах все крупные города противника.

«Ни одного сообщения о нарушениях теплоснабжения в результате ударов ВС РФ 10–11 октября на Украине не было, это может означать, что теплоэнергоцентры питаются с самих генерирующих блоков и сохраняют работоспособность даже при выведении из строя пристанционных электроподстанций, а также то, что сами насосы ТЭЦ не являлись объектом атаки, – рассуждает профессор НИУ МЭИ Евгений Гашо. – Ограниченные масштабы нарушения водоснабжения в городах объясняются тем, что на крупных водоканалах, как правило, работают автономные системы электроснабжения, в том числе ТЭС на биогазе, выделяемом самими нечистотами. И для гарантированного выведения из строя водоснабжения и канализации надо бить по самим водоканалам, чего сейчас осознанно сделано не было».

Согласитесь, на этом фоне такие последствия российской атаки, как нарушения в работе крупных промышленных объектов Украины

типа «Криворожстали» (ныне это «Арселор-Миттал Кривой Рог») или горнодобывающего гиганта Ferrtex выглядят как цветочки.

Еще одним часто обсуждаемым сюжетом в связи с атаками прошлой недели является прекращение Украиной с 11 октября экспорта электроэнергии в Европу. Формулируя запрос к НАТО о срочных поставках сил ПВО, глава Минэнерго Украины в вышецитированном интервью заявил, что «экспорт украинской электроэнергии в Европу помогает европейским странам экономить на российском газе и угле». Однако масштаб такой экономии, как и роль электроэнергии в экспортном потенциале Украины, не стоит преувеличивать.

Объем экспорта электроэнергии Украины в Молдавию, Румынию, Словакию, Венгрию и Польшу в последние годы не превышал 5 млрд киловатт-часов (это около 3% страновой выработки 2021 года – 156 млрд киловатт-часов) и составлял заметную долю потребления разве что в Молдавии.

На протяжении семи месяцев с начала СВО Украина продолжала экспорт электричества, несмотря на то, что семь из пятнадцати крупнейших ТЭЦ выпали из украинской энергосистемы (находятся на территории четырех новых субъектов РФ), а Запорожская АЭС в начале сентября была полностью переведена в «холодный» режим. Выручка от экспорта электроэнергии до его вынужденной остановки на прошлой неделе по итогам года, согласно планам Минэнерго, должна была превысить 2 млрд долларов, но это лишь одна десятая выручки от прошлогоднего украинского экспорта зерновых и масличных.

Теперь об этом можно не мечтать, более того, после интеграции в марте нынешнего года энергосистемы Украины в объединенную европейскую энергосеть ENTSO-E появилась техническая возможность импорта электроэнергии на Украину из ЕС, если, конечно, не слишком вольготный энергобаланс западных соседей Украины предстоящей зимой это позволит.

Как США ломали волю

Остановимся еще на одном аспекте инфраструктурной войны – правовом, весьма значи-

тельном лично для Владимира Путина, который неизменно апеллирует к международным соглашениям, даже когда считает их несправедливыми, и не упускает возможности указать оппонентам на их нарушения.

Запрет на разрушение гражданской инфраструктуры в ходе вооруженных конфликтов попало в официальные договоры довольно поздно. Часть 1 статьи 52 Дополнительного протокола I от 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года закрепляет, что «гражданскими объектами являются все те объекты, которые не являются военными объектами». Согласно части 2 статьи 52, «военные объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество».

Впоследствии юристы постарались конкретизировать весьма расплывчатое определение «невоенных объектов» с учетом фактора «двойного назначения». Появились различные перечни таких объектов. Но по факту оценка нарушений Женевских договоренностей велась постфактум, исходя из меры страдания гражданского населения в ходе конфликта и общего количества целей при атаке на государство.

Надо ли говорить, что западные коалиции из раза в раз плевали на собственное право, а в ходе крупных конфликтов неизменно включали все объекты критической инфраструктуры в список обязательных целей для уничтожения на старте военных кампаний? В одном из докладов американского правительства под названием «Крылатые ракеты. Надежный потенциал», который вышел по итогам первой иракской войны, говорится прямо: «Атаки по радиостанциям и телевышкам, электростанциям и распределительным сетям необходимы, чтобы ослабить волю гражданского населения к сопротивлению».

В этом отношении операция «Буря в пустыне», проходившая с 17 января по 28 февраля 1991 года, считается едва ли не доктринальным примером с точки зрения уничтожения

критической инфраструктуры, невзирая на проблемы населения. За полтора месяца кампании западная коалиция совершила 110 тысяч самолетовылетов и использовала более 4000 крылатых ракет. Считается, что до 30% ударов по иракской территории пришлось на гражданскую инфраструктуру. При том, что ПВО Ирака была подавлена в первые дни и небо было полностью безопасно для рационального наведения.

Американцы бомбили упорно и по плану. В первые часы войны были уничтожены все крупные электростанции и подстанции, почти вся электроэнергетика Ирака, а также НПЗ, топливные цистерны, нефтяная промышленность. Прицельно били по водонасосным станциям, пунктам хлорирования и водоочистке. В Багдаде удалось потом относительно быстро решить проблему с канализацией, в других крупных городах Ирака вспыхнула холера. В первые дни войны авиация уничтожала элементы системы телекоммуникаций, сельскохозяйственные объекты, продуктовые склады, ирригационные каналы, плотины, заводы и фабрики. Разрушены порядка 150 крупных мостов, что обрушило логистику страны, расселенной по Тигру и Евфрату. Не пожалели школы, больницы, университеты – речь идет о сотнях зданий невоенного назначения.

Само собой, никакого расследования этого военного варварства не последовало. Мировому сообществу преподнесли образ страны-агрессора (ведь ранее Ирак напал на Кувейт), жители которого несут коллективную вину за решения власти.

В дальнейшем ситуация повторялась и в ходе югославских бомбардировок, и во второй иракской кампании. Примеров было бы больше, но ни в Афганистане, ни в Сирии, ни в разрушенном Ираке не набиралось достаточно инфраструктурных целей: местных жителей приходилось убеждать простыми ковровыми бомбардировками. А ливийцы сами справились со своими школами и предприятиями после стартовой поддержки западных цивилизаторов.

Значит ли это, что России нужно забыть о гуманитарном праве? Здесь есть масса возражений, которые показывают ее цену.

Во-первых, цели американцев неизменно находились за океаном, тогда как для нас Украина – территория ближайшая, и все экономические издержки от беженцев сегодня и, вероятно, от восстановления страны в будущем мы хлебем по полной. Криминальные отголоски югославских бомбежек и развала этой страны Европа чувствует до сих пор.

Во-вторых, значит ли инфраструктурное уничтожение Украины быструю победу в СВО? Напротив, потерявшее кров и работу, озлобленное население стройными рядами пойдет в вооруженные силы без обучения и экипировки. И конечно же, нынешний киевский режим не испугает, а порадует такая перспектива эскалации.

Наконец, вернемся к правовому аспекту. Важной чертой геополитической игры Владимира Путина является демонстрация большей части мира лицемерия коллективного Запада и конъюнктурности выработанных «золотых миллиардом» правил. Это уже работает в экономической плоскости: жить, торговать и хранить сбережения в долларовой зоне становится тем более опасно, чем больше прав на независимую позицию ты предъявляешь.

Но еще есть и политическое, и дипломатическое, и гуманитарное измерения. Задача России – не разрушить дотла институты коллективных договоренностей, но добиться равных для всех участников условий, убрать исключительность отдельных нарушителей. Если Москва подписывает соглашения (например, Женевскую конвенцию), она их соблюдает. Тогда как Запад может себе позволить сделать вид, будто для него возможны исключения.

К слову, чего только стоит высказывание Жозепа Борреля, главы дипмиссии Евросоюза, который, по сути, признал: да, мы обманули Россию, но давайте забудем об этом. «Меня не устраивают в качестве оправданий или рассуждений те доводы, которыми многие люди, в том числе мои друзья, оправдывают агрессию: мол, НАТО не выполнила обещания (данные России о нерасширении границ Альянса. – “Эксперт”). Это возможно. Но это уже история. Ничто из этого не оправдывает происходящее», – заявил Боррель.

Генерал Армагеддон

Массированный удар по энергетической инфраструктуре Украины вызвал разговоры о смене подходов к СВО. К концу недели таких разговоров поубавилось. Перемены будут, но, вероятно, не резкие, вписанные в стратегический план руководства с учетом долгосрочной операции.

В первую очередь это связано с волной частичной мобилизации. Владимир Путин в Астане рассказал, что она закончится уже через две недели, так как на данный момент уже мобилизовано 220 тысяч человек. Это серьезное подспорье фронту, которое ощущается уже сейчас: ситуацию удалось стабилизировать, украинское контрнаступление затормозить. Основной массив новых частей доберется до зоны СВО к зиме, создаст плотный оборонительный заслон и позволит перейти к наступательным действиям.

Обращает внимание и активность белорусских союзников. Так, Александр Лукашенко и Владимир Путин договорились о развертывании совместной региональной группировки войск. Кроме того, белорусский президент подтвердил введение в Беларуси режима повышенной террористической опасности. Наблюдатели считают, впрочем, что о «втором фронте» говорить преждевременно. Первоочередная задача – успокоить наших партнеров, которые наблюдают серьезное усиление войск НАТО на своих западных границах. Кроме того, «региональная союзная группировка» должна оттянуть украинские резервы с фронта для защиты собственных рубежей.

Куда более значимым решением является создание «объединенной группировки войск в зоне проведения СВО» и назначение ее командующим генерала армии Сергея Суровикина.

«Создание объединенного командования существенно ускорит процесс принятия решения на местах и улучшит взаимодействие между родами войск и фронтами. А работа там колоссальная: нужно наладить взаимосвязь с центром, с Западным военным округом, Черноморским флотом, артиллерией, пехотой и авиацией, – рассказал нам военный эксперт, полковник в отставке Виктор Литовкин. –

Раньше эти проблемы решал Генштаб. Но Москва находится далеко от фронта, поэтому не всегда адекватно может оценивать ситуацию в зоне боевых действий. Формирование единого командования – решение довольно своевременное и правильное».

Новая военная структура, по словам эксперта, существенно разгрузит работу Генштаба и позволит центральному военному командованию сосредоточиться на общем руководстве боевыми действиями без ручного управления фронтом. «Впрочем, командующий объединенной группировкой продолжит согласовывать войсковые операции с Генштабом и выступать перед ним с докладами о ходе боевых действий», – продолжает Литовкин.

Суровикина невозможно назвать «паркетным генералом»: за годы службы он побывал практически во всех горячих точках, в которых принимала участие советская и российская армия. До украинского кризиса офицер успел поехать в Афганистане, в Таджикистане, во второй чеченской войне и в Сирии. В последней кампании он одновременно удостоился звезды Героя России и прозвища «генерал Армагеддон» от сослуживцев за жесткость и бескомпромиссность в борьбе с международным терроризмом.

Впрочем, весь боевой путь генерала прошел преимущественно в руководстве контртеррористическими операциями. Масштабная СВО на Украине для него мощный вызов.

«Сейчас мы имеем дело с куда более грозным противником, у которого налажена очень хорошая разведка благодаря помощи стран НАТО. Этого не было у сирийских боевиков. Не было у них и боевой авиации и значительных средств ПВО, – говорит научный сотрудник ИМЭМО РАН, военный эксперт Илья Крамник. – В российской армии годами накапливались проблемы с качеством управления и разведки. Сможет ли новый командующий решить эти проблемы – сказать пока сложно».

Ожидать, что с назначением Сергея Суровикина командующим объединенной группировкой ракетные удары по Украине усилятся, преждевременно. Но в рамках условно нового формата он сможет быть более убедительным для оппонентов, считают наблюдатели.

«Боюсь, пока нет никаких оснований полагать, что после ракетного удара Украина станет более сговорчивой, поскольку Владимир Зеленский и его команда еще не готовы вести переговоры на условиях, озвученных Путиным. Но какие-то соглашения относительно правил игры в условиях спецоперации возможны. Например, не бить по чувствительным объектам друг друга», – полагает генеральный директор Российского совета по международным делам Андрей Кортунов.

Переговорные перспективы

Что касается больших переговоров, то ситуация пока становится лишь все более запутанной. Постепенная эскалация вокруг зоны СВО постепенно выводит из нейтральной зоны игроков и страны, которые ранее предпочитали отсидеться; и экономический кризис, и ядерная угроза рождают все новых посредников, стремящихся остановить или хотя бы заморозить глобальный конфликт. Но большинство экспертов настроены в этом вопросе скептически, поскольку не видят больших переговорных форматов с участием России и США: обе страны, по крайней мере публично, заявляют, что говорить пока не о чем.

В то же время у остальных представителей мирового сообщества либо слишком мало веса, чтобы самим изменить ход конфликта, либо недостаточно аргументов, чтобы выступить для глобальных лидеров медиаторами сделки. Отмалчиваются и европейцы, демонстрируя атлантическое единство и нежелание ссориться с Вашингтоном. Канцлер Германии Олаф Шольц и вовсе вывел эталонную формулу, заявив, что Владимир Путин рассматривает войну на Украине как «большой крестовый поход против либеральной демократии, международного порядка, свободы и прогресса, а также всего нашего образа жизни в целом... Он имеет в виду всех нас».

Эта та самая идеологизация сути конфликта, которая должна объяснить европейцам необходимость мерзнуть зимой, бизнесу – закрывать производства, а политикам-партнерам – терпеть электоральные неудачи. Но рационального в этой платформе мало, что очевидно для всего мира.

Тем временем количество мирных инициатив растет с удивительной скоростью. В ряду отличившихся оказался, например, американский бизнесмен Илон Маск. Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан. Министр иностранных дел КНР Ван И. О желании предоставить посреднические услуги также заявляли президент ОАЭ Мухаммед бен Заид Аль Нахайян и наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бен Салман. Наконец, президент Турции Реджеп Эрдоган – но тут все привычно.

Возникла перспектива и личной встречи участников конфликта, причем сразу на двух площадках. Во-первых, появилась информация, что президент Турции по частным каналам направил в Вашингтон предложение организовать в Стамбуле встречу представителей России, США, Франции, Германии и Великобритании. Во-вторых, на прошлой неделе МИД Индонезии официально подтвердил, что Владимир Путин и Владимир Зеленский примут участие в саммите G20 на Бали, хотя подтверждений из Москвы и Киева пока не поступало.

Но пока трудно даже представить, о чем может пойти речь в диалогах такого рода. Американцы явно считают, что в украинском конфликте приобретают больше, чем теряют: и не так затратно, как в Афганистане, и европейцы согласны с перспективой деиндустриализации, и ресурс украинских солдат далеко не исчерпан. Конечно, накануне выборов в Конгресс политики будут ужесточать украинскую риторику, подчеркивая издержки для экономики, но «по этому вопросу в американских политических кругах сложился полный консенсус: для них Россия – это “агрессор”, “преступник”, со всеми вытекающими отсюда последствиями», – считает Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике. Поэтому после выборов существенного изменения американского курса на российском треке все равно не произойдет.

На данный момент единственный способ добиться договоренностей с США – долгое и интенсивное принуждение, что чрезвычайно затратно «как по времени, так и по ресурсам,

а к тому же совершенно не гарантирует результат», – считает Иван Сафранчук, директор Центра евроазиатских исследований Института международных исследований МГИМО. Альтернативой же противостоянию с США, по мнению эксперта, может быть линия на размежевание с США, где базовый интерес состоит не в том, чтобы быть против Америки, а в том, чтобы решать основные вопросы своей безопасности и развития без нее. «И основным индикатором успешности такой линии можно считать как раз отсутствие договоренностей с США и даже отсутствие необходимости в таких договоренностях», – констатирует Иван Сафранчук.

В этом случае с американцами достаточно согласовать «красные линии» по безопасности, чтобы не прийти к ядерной эскалации, а остальных партнеров пригласить уже не в качестве посредников, а для выработки новых правил коллективного общежития в качестве альтернативы конъюнктурным правилам западного мира. Именно такой дипломатической организацией последние месяцы и занимается Владимир Путин, без конца встречаясь с лидерами азиатского мира.

С американцами же в данный момент действительно сложно разговаривать ввиду их очень глубокого погружения в украинский конфликт, фактически прямого его финансирования и регулярных поставок американского оружия. Такие конфронтации, по сути, со всем Североатлантическим альянсом, не заканчиваются быстро и одними лишь ракетными ударами по инфраструктуре, так как Украину будут делать форпостом сопротивления и на самих ее развалинах. Принуждать к миру придется Запад. А это небыстрая история.

Сумрачные перспективы мира

«Призывы к мирным переговорам – это тревожная реакция на украинский конфликт, который вышел на новый уровень опасности», – считает Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председателем президиума Совета по внешней и оборонной политике России.

– «Мирный» нарратив по украинскому конфликту – это рутинная «разведка боем»,

или есть какие-то обстоятельства, которые позволяют говорить о чем-то более серьезном?

– Мне кажется, что этот набор высказываний от самых разных людей, начиная с Илона Маска и заканчивая более ответственными людьми, свидетельствует о том, что в разных местах земного шара растет внутреннее понимание, что продолжение конфликта и его очевидная спиралевидная эскалация чревата очень серьезными последствиями. По сути, речь идет о перерастании ситуации в нечто совсем неуправляемое, и выгоды из этого еще непонятно кто извлечет. Но я хочу обратить внимание, что такого рода заявления не звучали от тех, кто в конфликт вовлечен, – это тоже важно.

Тем не менее все эти сигналы – это отражение того тревожного ощущения, которое возникает само по себе, как только становится заметно, что конфликт расширяется. Ясно, что территориальный конфликт России и Украины – это уже лишь один элемент палитры. Мы видим растекание этих боевых действий куда угодно, вплоть до подрывов стратегических подводных коммуникаций. И призывы к миру – это реакция на то, что конфликт, очевидно, вышел на другой уровень опасности с точки зрения мировой стабильности.

А дальше появляются отдельно взятые персонажи, например тот же Илон Маск, которые начинают что-то предлагать.

– Маску это позволено, потому что он более автономен?

– И автономен, и достаточно раскручен. Но были ведь заявления более серьезных лидеров, которые действительно обладают некоторым потенциалом для медиации. Например, Турция, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия.

Причем для Анкары роль медиатора особенно важна, потому что украинский конфликт, с одной стороны, очень сильно укрепил ее, а с другой – если он будет так бесконтрольно раскручиваться, Турция станет одной из первых среди пострадавших, потому что близко и слишком много всего завязано.

– Как вы оцениваете потенциал третьих стран в вопросе мирного урегулирования на Украине? Какую позитивную роль они могут в этом сыграть?

– Третьи страны на то и «третьи», что не занимают очевидную позицию в конфликте. И естественно, что только такие страны могут претендовать на роль медиаторов. Другое дело, что в рамках украинского кризиса те страны, которые могли бы сыграть роль таких посредников, сознательно и последовательно дистанцируются. Они могли бы что-то делать, но не хотят, потому что это сложно и вообще «зачем это надо?».

– Но для Китая вроде бы резон есть, поскольку система глобальной торговли, стабильность которой ему так важна, уже серьезно потрепана украинским кризисом.

– Стабильность-то важна, но не нужно переоценивать значимость украинского кризиса для Пекина. Кроме того, страны, подобные Китаю, конечно, могут включаться, но только тогда, когда они уверены, что это даст результат.

– Но вот Турция очень активна, и, хотя у нее пока мало что получалось, нельзя сказать, что ее престиж как-то пострадал.

– Турция вообще пример парадоксальный, особенно если говорить о ее нейтральности. Ее нейтральность в том, что она активнейшим образом ангажирована обеими сторонами. Это уникальный случай, когда страна, которая интенсивно поддерживает вооружениями одну сторону конфликта и всякими политико-дипломатическими услугами другую, выступает еще и медиатором и в этом качестве признана и теми, и другими. Но это уже талант конкретно президента Эрдогана.

Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия в этом смысле все-таки лучше: они более дистанцированы. Тем не менее набор стран, которые обладают нейтральным статусом и высказали готовность помочь в урегулировании, пока невелик. И посредник только помогает коммуницировать – он не может придумать решение, а именно налаживает некий обмен в тот момент, когда это становится возможно.

– Почему реакция стран G7 на российские массированные удары по украинской энергетической инфраструктуре оказалась достаточно мягкой? Может быть, эскалационная волна, о которой вы сказали, трево-

жит и Евросоюз, что заставляет его спускать все в риторику?

– Я думаю, что у Европейского союза ощущение тревожное донельзя, только из этого ничего не вытекает. И ЕС как политический игрок, и отдельные европейские страны не обладают самостоятельным ресурсом. Это довольно странно, но они не являются, как говорят, акторами этого дела, скорее инструментом, за исключением разве что Венгрии.

Все же остальные не могут быть посредниками, даже если бы этого захотели, потому что они занимают радикально антироссийские позиции. Не так уж важно, какая разница между позициями Польши и Германии или Польши и Испании.

Но удивительно то, что они сами не формулируют для России хоть какие-то условия для мирного урегулирования. Это могут сделать США, если захотят. А у Европы как не было, так и нет своей позиции, что делать с этим конфликтом, кроме той линии, которую предложили в Вашингтоне.

При этом я бы не сказал, что реакция G7 была такой уж мягкой. Но она и не могла быть решительной, поскольку значительную часть своего потенциала давления на Россию с точки зрения карательных мер ЕС использовал прямо сразу, в первые две-три недели. Сделать принципиально больше они могут только уж совсем себе в ущерб, а то, чего они не готовы делать сами, делают за них «добрые люди», подрывая газопроводы.

– Если на промежуточных выборах в палату представителей США победу одержат республиканцы, что не гарантировано, но вполне вероятно, это может как-то повлиять на украинский кризис?

– Изменения отношения к тому, что делает Россия, и вообще к украинской ситуации ждать не стоит. По этому вопросу в американских политических кругах сложился полный консенсус: для них Россия – это «агрессор», «преступник», со всеми вытекающими отсюда по-

следствиями. Другое дело, что республиканцы проявляют гораздо меньше энтузиазма по части выделения Украине материальных ресурсов, в том числе вооружений.

– Хотя нельзя сказать, что речь идет о каких-то фантастических деньгах. С момента начала конфликта американцы на военную помощь Украине потратили меньше 30 миллиардов долларов.

– Конечно, масштабы затрат не такие уже и большие. Но если учесть, что внутренняя ситуация в США довольно неустойчивая, то при республиканском большинстве темпы помощи Украине могут быть сбиты.

Киеву же очень важно, чтобы военная и финансовая помощь шла бесперебойно, иначе все посыплется. И администрация Байдена на это откликалась. А вот Конгресс с республиканским большинством, скорее всего, будет торпедировать не столько Украину, сколько уже Байдена, его инициативы, что вполне может привести к тому, что начнутся сбои, в том числе по вопросу помощи Украине. И это будет достаточно чувствительно.

– То есть условия для мирных переговоров пока не просматриваются. Что должно или может произойти, чтобы ситуация изменилась?

– Здесь все, к сожалению, довольно примитивно. Решаться все будет на фронтах, по крайней мере пока. Готовность США оказывать помощь напрямую зависит от того, как они оценивают эффективность использования этой помощи. Если украинские силы будут добиваться успехов, они будут готовы вкладываться дальше, а если нет – могут задуматься.

Александр Ивантер - первый заместитель главного редактора журнала «Эксперт»,

Петр Скоробогатый - заместитель главного редактора, редактор отдела политика издания,

Тихон Сысоев - обозреватель журнала «Эксперт»

Нурлан Гасымов

